

Марина Перова

Бесстрашная Машенька

На пороге одной из курганских квартир нас встретила маленькая седая женщина с яркими радостными глазами и красивой улыбкой. Через несколько месяцев ей исполнится 93 года, но разве это возраст для героев? 2 февраля 1943-го победой советских войск закончилось сражение за Сталинград — крупнейшая сухопутная битва в истории человечества. А Мария Безбородова — один из офицеров легендарной 62-ой армии, оборонявшей город-герой, участница всемирно известного сражения за завод «Красный октябрь».

Мария Дмитриевна родилась в Курганской области (тогда Челябинской), в селе Быдино Мишкинского района (тогда Юргамышского) 2 марта 1923 года. Закончила Свердловское медицинское училище военной системы по особой программе и была отправлена на фронт в 87-ой гвардейский артиллерийский полк 39-ой гвардейской артиллерийской дивизии 62-ой армии. Боевой путь ее начался с удачи — правда, заслуженной.

- Когда мы приехали, ребят-офицеров отправляли на стрельбу, я тоже была в списках. Мне дали оружие, стали что-то объяснять. Выстрелила положенные три раза и выбила 27 очков - в нашей медицинской школе я получила значок «Ворошиловский стрелок» за меткость. Все удивились — ни один офицер из состава столько не выбил, сколько маленькая худенькая девчонка! Командир построил всех и велел мне сделать два шага вперед. Я с волнением вышла, и он подарил мне свое личное оружие.

Доброе начало службы стало тому причиной, веселый характер бесстрашной девушки или что-то другое, но удивительное везение оберегало Машу Статных (такой была ее фамилия в девичестве) на протяжении всех страшных военных лет. Об этом красноречиво свидетельствует ее история, в том числе рассказ о первой декаде августа 1943 года, когда фашисты отеснили за Дон 62-ю армию и взяли ее в

Мария Дмитриевна Безбородова. Фото Николая Белобородова.

окружение, из которого небольшими группками удалось вырваться некоторым бойцам.

Кусочек сахара

- Боевое крещение я приняла за Доном, 15 августа 1942 года. Наша дивизия ехала на фронт в пяти эшелонах. Смотрю — офицеры заволновались: пролетела немецкая разведка. Командир наш дал приказ останавливаться и разгружаться. Только мы со своими пушками отошли от железной дороги, как на эшелоны налетели бомбардировщики.

Был тихий вечер — спокойный, ясный. Светило закатное солнышко. Мы рыли окопы, но они получились неглубокими — не успели до темноты. Вдруг раздались взрывы, грохот пушек, свист пуль. И вот в окопчике с одной стороны радист, с другой - связист, а я - между ними. Сажу на земляной кромке и болтаю ногами — не знала еще, что такое война, и совсем не боялась. Раздался сильный взрыв, и я упала в ров без сознания. Когда очнулась, оба моих товарища лежали мертвые. Я выскочила и бросилась к командиру батареи Михаилу Иванову рассказывать об убитых.

Потом три дня шел страшный бой. На четвертые сутки Михаил Иванович приказал мне идти к затону Дона. Впереди было минированное поле и стояла наша батарея для прикрытия отхода. Я добралась до поляны и услышала русский голос: «Минировано. Держись затона». Спустилась к воде и крикнула фамилию командира, который мне был нужен. Передала ему приказ, упала и заплакала - от радости, что выполнила первое боевое задание. Кто-то из солдат дал мне в руку кусочек сахара — я ничего не ела и не пила трое суток.

Началась переправа. Только успели наши пушки коснуться колесами земли на другом берегу Дона, как переправа рухнула, и все пошло ко дну. Загорелась баржа, и нас немного прикрыло дымом от обстрела фашистов. Командир батареи не хотел дальше отходить — нужен был отдых. Но ведь над нами бомбардировщики! А мимо шли солдаты и офицеры по большой шоссейной дороге. Я подбежала к какому-то большому офицеру и все объяснила. Он схватил меня за ручонку, как маленькую девочку, и - бегом к батарее. Приказ - немедленно уходить от Дона.

«Русь, сдавайся!»

- И вот Сталинград. К тому времени мы понесли большие потери. Командир полка был ранен. Комиссар и еще несколько бойцов переплыли Дон ночью, раздетые. Знамя полка вынес один из солдат — он обернул его вокруг себя. Наш командир в ту ночь весь побелел из-за того, что потерял дивизию. Ему сказали, что знамя спасли — он успокоился, но так и остался седым.

Дивизию пополнили и бросили в Сталинград. Меня переправили туда на рыбацкой лодке, потому что катера бомбили, а лодка была не такой заметной. Город горел. Горела Волга — по ней разлилась нефть. С первых до последних дней сражения мы стояли в районе завода «Красный октябрь», что на берегу.

Заводские цеха переходили из рук в руки. Мы больше всего находились в

доменном цехе. И вот слышим - немцы кричат в рупор: «Русь, сдавайся! Завтра Волга буль-буль будешь!». Наши офицеры поняли, что планируется сильное наступление. Мы перешли дорогу — в здании заводоуправления напротив было бомбоубежище. Спустились туда. Раздался сильный взрыв, разрушивший всё здание в пять этажей. Я попала под балку. Благодаря этому меня не раздавило обломками, и я уцелела. Только дышать было нечем.

Второй сильнейший взрыв. Его волной вырвало стену, и на ее месте осталась яма глубиной с трехэтажный дом. В образовавшуюся дыру мы и вылезли — шестеро выживших. Побежали через дорогу к мартеновскому цеху. Фашист, бомбивший здание, спустился вниз и расстреливал нас из пулемета. Его самолет на бреющем полете был так низко, что я видела лицо пилота. Никогда не забуду его глаза.

Мартеновский цех, где мы обосновались, переходил из рук в руки, хозяева этажей все время менялись. Но мы держались. Наши пушки стояли на прямой наводке.

Однажды мне пришлось ползти к командиру третьей батареи Петру Каплееву — я ведь медсестра. У нас был приказ легко раненных за Волгу не отправлять. Я оказала ему помощь, мы поболтали немножко. И тут Петя поднял голову к стереотрубе, и фашист снял его разрывной пулей. Он упал к моим ногам. Кровь заливала грудь. Я подобрала записную книжку с записями прицелов, которая выпала у него из рук. В это время раздается звонок по рации с указаниями третьей батарее. Я записываю прицел, уровень, шкалу. Передаю в батарею. В ответ мне: «Почему ты, Маша?...». Я говорю: «Потом объясню. Танки близко». И передавала команды целый день до вечера — никто не мог приползти и сменить меня, так как совсем рядом был враг. Десять фашистских танков было уничтожено по моей команде! Тогда я получила Орден Красной звезды.

Там, в Сталинграде, я узнала, что такое психическая атака. Однажды, во время смены полков, пехоты перед нами не было, мы оказались на передовой. Командир дивизиона Михаил Иванович велел нам не стрелять, ждать его приказа. А немцы идут в полный рост! Выстрелить! Сейчас же! Почему нельзя?! Терпеть невозможно... Наконец кричат: «Огонь!!!». Взлетели в воздух руки и ноги фашистов — атака была отбита.

Мы защищали Сталинград до самого 2 февраля, а потом еще две недели стояли, провожали фашистов в плен. Они шли целой толпой - обмороженные, закутанные в какие-то тряпки. У нас-то были полушубки и меховые варежки, продернутые в рукава, как у детей - чтобы не потерять. Когда спускались с Волги, я долго стояла на берегу и смотрела на разрушенный город. Я уже была коммунисткой — в Сталинграде вступила в партию.

А лейтенант-то - девчонка

Юной защитнице Сталинграда довелось совершить еще немало подвигов. Ее сапоги истоптали сотни километров родной земли, пришлось им пройти и по Одессе.

- Мы тогда очень устали, - рассказывает она. - Я все спрашивала командира, когда будет привал. А он: «Потерпи, Машенька! Вот эту большую деревню возьмем — и привал». И шли на приступ. А потом и правда отдыхали — целых три дня в Одессе! Пришли мы туда на рассвете, 10 апреля — измученные, озябшие. Стучимся в какой-то дом, ждем. Открывают: «Ой, да это же девочки!». Хозяйка засуетилась, побежала искать какую-нибудь постель. А мы — солдаты есть солдаты: сумку - под голову и — храпака. Утром поднял нас майор Степан Лемешенко — город смотреть. Хозяйка разбудила свою дочку и попросила ее сводить нас к Одесскому театру — он был второй по значимости в Советском Союзе. Мы шли, а навстречу - люди. Кто-то выносит коробку конфет, кто-то - шоколад. Все благодарили...

В последнюю военную зиму Мария Статных едва не замерзла. Солдаты спасли ее: затащили в какой-то сарай и натерли спиртом. Думали, что окрепнет, справится девчонка, но у нее отказали ноги.

- Так я оказалась в Барнауле — в далеком тылу, где и встретила Великую Победу. Привезли меня в госпиталь ночью, и я спала сутки с половиной. Просыпаюсь и слышу: ходит сестричка. «Что ж это такое? - говорит. - Поступил какой-то лейтенант, а мы его найти не можем. Потеряли человека!». Я повернулась, спрашиваю его фамилию, инициалы. Мне отвечают: «Статных М. Д.». «Так это, - говорю, - я!». Удивились сестры: век бы не подумали, что лейтенант медицинской службы — девочка.

Счастливая звезда

Выписавшись из госпиталя, Мария Дмитриевна на родину не поехала. Остались у нее в Зауралье дальние родственники, но связь с ними в последние годы она не поддерживала, а незваной являться не хотела. Им своих кормить нечем, а тут явится солдат: кирзовые сапоги да шинель — вот и все состояние. Поселилась Мария Статных в Алтайском крае, в селе Речка Кормиха Егорьевского района. Скоро нашелся и суженый — Борис Шувалов влюбился в Машеньку еще на фронте.

- Комиссар наш Михаил Иванов был человек пожилой, челябинец, и всегда брал меня с собой, - вспоминает она. - «Мне, - говорил он, - с тобой как-то нестрашно». Пришли мы однажды, во время боев за Сталинград, на наблюдательный пункт. И приезжает туда капитан - высокий, статный, крепкого телосложения. Увидел меня и говорит: «Вот моя невеста!». Я тогда посмеялась, объяснила ему, что война, и не пристало о невестах говорить — они на фронте нужны. Но с тех пор он от меня не отставал. Потом его перевели в другую дивизию, я попала в госпиталь. После войны еще год служил, стал майором. А когда демобилизовался, нашел меня. От Бориса Шувалова я родила близнецов Ольгу и Василия, а потом еще дочку Галину — торопилась стать матерью, боялась, что не успею за сверстницами.

А потом случилась трагедия. Куда делся названный муж, Мария Дмитриевна никому не говорила - опасно. Саму ее в очередной раз спасла счастливая звезда.

- Меня неоднократно избирали депутатом, и вот однажды нам зачитали секретное письмо, в котором говорилось, что в Алтайском крае подлежат аресту 500 заслуженных офицеров, - рассказывает она. - В их числе был и мой майор. За ним пришли ночью, а потом без всяких разбирательств осудили по 58-ой статье. Меня приглашали в Барнаул на слушание, выясняли, кем мы друг другу приходимся. К счастью, наш брак не был зарегистрирован, иначе меня тоже бы осудили, а детей отправили в детдом. Он написал мне, и попросил выйти замуж, если будет возможность. Я так и сделала.

Родина, которую защищала

Вторым мужем Марии Статных был простой рабочий Валентин Безбородов, его фамилию и носит до сих пор наша героиня.

- Он был очень хорошим человеком. А я так ему нравилась, что он с тремя детьми меня взял не раздумывая!

Марии Дмитриевне выделили материал для строительства и срубили большой крестовый дом возле фельдшерско-акушерского пункта. Фельдшером в Алтайском крае она проработала 25 лет. Обслуживать приходилось два села, соединенных плохой дорогой, в 25 километрах от районной больницы. Фронтовичка трудилась не покладая рук и за все эти годы не потеряла ни одного ребенка и ни одной женщины. Ей присвоили звание старшего лейтенанта и отличника здравоохранения.

Много раз ездила Мария Дмитриевна на встречи ветеранов Великой Отечественной войны. Пять раз была в Волгограде (Сталинраде), два - в Одессе и Днепропетровске, раз — в Запорожье.

- Когда мы приехали в Сталинград впервые после войны, нас встретили на вокзале и повели в гостиницу, а пока мы шли по городу, из домов выбегали люди и кланялись нам, как героям.

В Курганскую область Мария Безбородова вернулась около тридцати лет назад, оставив в Алтайском крае свой дом с родником у огорода. Несмотря ни на что, неумолимая сила влекла ее домой.

- Зауралье и есть моя родина, которую я защищала.

Старший лейтенант медицинской службы Мария Дмитриевна Безбородова награждена орденами Красной звезды, Отечественной войны, «За Сталинград», «За победу над Германией» и 16-ю медалями, в том числе «За отвагу» и «За боевые заслуги».